

— *Расскажите, почему вы начали пробовать себя в прозе?*

— Сложно ответить сорок лет спустя. У меня никогда не было ни малейшего сомнения, что рано или поздно я стану писателем. Как будто я спортсмен и знаю, что быстро бегая... Однажды в моей жизни появился друг-издатель. Мне было тогда лет двадцать. Он сказал, смеясь: «Перестань шлаться по улицам, пиши!» Мы до сих пор с ним смеёмся, когда вспоминаем этот эпизод.

— *А почему вы решили выучить русский язык?*

— Попав в круг Эдуарда Лимонова, я познакомился с очаровательной, но очень строгой женщиной: она прекрасно владела французским, а со мной говорила только по-русски. Пришлось выучить.

— *Вы были радиожурналистом — об этом пишет Лимонов. Как в вашем творческом сознании уживаются журналистика и проза?*

— На самом деле, я люблю журналистику, и много ею занимался, хотя, конечно, радио мне не очень близко, думаю, тогда это была очередная моя авантюра. Я помню, как мы с демон-

странтами бегали по улице с тяжёлым магнитофоном, записывая репортаж среди слезоточивого газа! Но я — писатель-реалист, и мои книги часто основаны на документальных событиях, по-другому я не умею...

— *Ваши любимые тексты русских писателей, оказавшие влияние на ваше становление как литератора?*

— Русская поэзия больше подействовала на меня, чем проза. А из прозы — «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова. «Повесть непогашенной луны», где так ловко Пильняк использует приёмы молодого тогда кинематографа, советского кино, переноса её в литературу.

— *Как-то в Нижнем Новгороде вы сказали, что в своё время огромное впечатление на вас произвела пьеса «На дне» М. Горького. Как она повлияла на вас, прозаика, не пишущего пьес?*

— Повлияла, потому что фильм Ренуара, снятый по этой пьесе, сокровище французского кинематографа. Тебе открывается такая картина трущоб, что её невозможно забыть. К тому же Горький меня интересует — неоднозначная фигура, сложный и талантливый человек. Конечно, театр — отнюдь не мой язык, но я переводчик и должен представлять разные грани русской культуры.

— *Предисловие к вашему роману «Морфин Моноджет и блудные сыновья» написал Эдуард Лимонов. Как вы познакомились с ним? Как оцениваете*

его прозаические и поэтические тексты? Что вам ближе — поэзия или проза Лимонова и почему?

— Мы познакомились благодаря журналистике, мы с другом взяли у Эдуарда интервью, это было вскоре после его приезда в Париж, где он тогда мало с кем был знаком, кроме нас. Я думаю, что Лимонов как писатель с первыми книгами не вошёл, а сразу вломился в мировую литературу, так они нас всех потрясли. И всё же я гораздо больше люблю его стихи, Лимонов в поэзии — изощёрённый артист, спрятавшийся за фальшивой простотой. И ещё — для меня его прозаическая книга «Дневник неудачника» — подлинная поэзия... Как я рад тому, что благодаря Жёлтым жилетам, мы с Эдуардом много общались, и встретились хоть два раза

в последний год его жизни, в мае 2019 в Париже, в ноябре в том же году в Москве. Он был захвачен страстью к ЖЖ. В них он видел возвращение великой французской революции. По моему, ностальгия по «второй юности в Париже» играла там немалую роль. Старый циник, я куда более скептический относился к движению масс. И, хотя из-за него и нескольких друзей мне стало интересно. Как журналисты, по субботам мы ему докладывали, что случилось на улице в Париже — я никогда не вверил в будущее этой формы протеста. Эдуард, бывало, немного сердился: «Ты «правый» анархист. Надо верить в народ!». Что бы ни было, мы приняли его и его команду военкоров в Париже, старались их оберегать от неприятностей, война войной, но на улицах Парижа тогда лучше было остаться с нами, местными. Мы знали топографию и тактику полиции. Нельзя было позволить, чтобы 76-летний Лимоннов попал под резиновые пули. Мы их строго проинструктировали. Демонстрация прошла весело. Потом, в Люксембургском саду, когда Эдуард внимательно смотрел на каждый куст, мой друг Иван, с которым мы его сопровождали, заметил: «Смотри, он знает, что он здесь больше не будет». В ноябре 2019 в последний раз мы сидели за столом вместе, он меня провоцировал, говорил, что Иван пишет о ЖЖ лучше меня. Иван до сих пор скромничает... но тихо гордится тем. Я смеялся. И потом мы с Эдуардом снова засмеялись, он сказал:

«Ты циник». Я ответил: «Ты лидер!». Его последние слова были: «И мы с тобой слишком стары, чтоб измениться!» Мы скучаем по нему, теперь, во времена Апокалипсиса.

— *Вы перевели на французский книгу философских стихов казахско-русскоязычного поэта Бахытжана Кананьянова. Что вас тронуло в его стихах?*

— Бахытжан — мощный поэт. Он мастерски владеет ремеслом и не только, в его стихах немало остроумного юмора, а порой отзвуки вполне реальных конфликтов, пережитых автором во время учёбы в Москве, в Литературном институте...

— *Расскажите о своей первой книге. Чем она вам дорога сегодня?*

— Книга вышла под названием «Фашист», это своего рода дневник активиста крайних правых сил, он написан от первого лица. В политкорректном издательском мире издательства все были шокированы. Меня почему-то перепутали с героем, хотя моя жизнь совершенно не похожа на жизнь моего персонажа. Я романист — когда вижу интересную историю, я её описываю. Зато это мой бестселлер: уже три издания раскупили, последний вышел в 2015 году. И Эдуард тогда был потрясён, он от меня такого не ожидал. И недавно он признался, что она повлияла на него: причины этого мне не совсем понятны, так как я писал **роман**, а не манифест. Так что есть, чем гордиться!

— *Расскажите о вашей новой книге...*

— Это воспоминания мужчины, живущего в США на Брайтон Бич в 2010 году о давней любовной истории, 30 лет спустя, в Париже в русской диаспоре с дочерью знаменитого диссидента. Он вспоминает последние десять лет жизни в СССР, его распад и свою любовь. Он был влюблён в антисоветскую пассионарию, а она превращается в бизнесмена в юбке. Пока он мечтает о прошлом, жизнь продолжается в Бруклине, где, как говорят в Нью-Йорке, построили маленький СССР. Только в самом конце узнаем, как он оказался там и как он встретил новую женщину. Иными словами, это отражение в отражении, литературное зазеркалье. В этом смысле, наверное, это самая «литературная» из моих книг.

— *Вы участвовали в Горьковском литературном фестивале в Нижнем Новгороде — ваши впечатления?*

— Меня принимали по-королевски. Хотя я не знаток Горького, честно говоря. Но это оказалось неважно, то, что я знал о Горьком, мне хватило. Меня восприняли как народного дипломата. Жаль, что моя мама уже умерла, она гордилась бы своим сыном! После «дела Скрипаля» все боялись ехать в Россию, а я не верю в мировую пропаганду, потому что знаю её, видел в разных точках мира.

— *Дважды вы были членом жюри международного литературного фе-*

стиваля в Саках «Интеллигентный сезон». Что запомнилось? Удивило?

— Запомнилось место. Народный курорт. Пьяные крики по ночам. Днём — семьи в полном составе на пляже. С радио, тушёнкой... и пивом. Интереснейшая атмосфера! И, хотя я иностранец, меня приняли как родного. Фестиваль трогательный, люди приезжают издалека, чтобы представить одно небольшое произведение. Они любят поэзию, не все талантливы, но это неважно, главное — как развит поэтический язык в России. Попробуй найти такое в Европе!

— *С какими французскими книгами вы бы посоветовали познакомиться русским читателям?*

— К сожалению, мои друзья не переведены в России: это Геган, Жерар, Гитто, Леруа... Они заслужили, чтобы их прочитали по-русски. Кроме того, жив бог нашей литературы — Патрик Модияно. Истинный поэт. «После него — только я» — как шутил Лимонов после смерти Солженицына.

— *Ваш роман «Морфин Моноджет и блудные сыновья» виртуозно перевела Кира Сапгир. Каково ваше кредо как переводчика? Как вы оцениваете переводы Сапгир?*

— Кира совершила подвиг. Даже современным французам не всегда понятен уличный сленг той эпохи сорок лет спустя. При этом она блестяще передала игру слов и сложные выкрутасы моего стиля. Но мы с Кирой принадлежим к одной пе-

реводческой школе — знающих по горькому опыту, что буквальный перевод художественного произведения — тупиковый путь. Кира трудно переводится, как все настоящие стилисты. Её юмор, неожиданные повороты стиля, полеты лиризма, перемены лексики от самой высокой до оживленной энергичной народной — ловкач заставляет переводчика трудиться. Зато какое удовольствие когда перевод попал в цель!

— *Тексты кого из русских писателей вы в последнее время переводили?*

— Кренёва и Лиханова, и я не брошу моих друзей Козлова и Доронина!

— *Какой вопрос задал бы сам себе Тьерри Мариньяк и как на него ответил?*

— Каким образом получилась такая интересная жизнь, надёжные друзья за границей? Неужели из-за того, что, не добившись признания, денег и успеха во Франции, я вынужден бродить по белу свету, а не дремать в уютном кресле на родине? Тогда я благодарен судьбе.

— *Как и почему вы заинтересовались Державиным и даже перевели на французский его знаменитую оду?*

— В ноябре 2018-го я прочитал эссе профессора Альфии Галимуллиной о казанских поэтах, озаглавленное «Поэты неотвратимо — за народ»; и тогда же перевёл державинскую оду «Властителям и судиям». И вот совпадение: как раз тогда разразился мя-

Презентация романа «Икона»

теж «Жёлтых жилетов». И тотчас на мой блог, где русская поэзия в чести, пришли сотни отзывов — примерно 500. Это, согласитесь, большая редкость для поэзии, тем более, для поэзии XVIII века — с её тематикой,

далёкой от современной жизни. Вывод ясен: сквозь толщу лет, разницу культур воззвание поэта к сильным мира сего сохраняет мощь и поныне. Хотя и непросто выделить особо какие-то события в биографии Гаврилы Романовича Державина, отмечу его участие в дворцовом перевороте 28 июня 1762 года, в результате которого Екатерина II вступила на престол. Его преданность престолу подтвердилась той ролью, которую он играл в государственной системе: в 1773–1775 годах Державин участвовал в подавлении восстания Емельяна Пугачёва. Он руководил агентурными мероприятиями, военной разведкой, составлял поимённый список мятежников, держал связь с ключевыми действующими лицами со стороны правительственных сил. Разведка — профессия для интеллектуала. Разведчик постоянно сталкивается с людскими слабостями, которые использует, дабы одержать победу. Поклонник поэзии Есенина и его эпической поэмы «Пугачёв», я должен был заново перелистать страницы «Капитанской дочки» (при написании её Пушкин пользовался отчётами Державина о Пугачёвском бунте), чтобы напомнить самому себе: вспышки народного гнева могут быть столь же кровавы и яростны, сколь и отпор властей предрержащих. Я так же увлечённо переводил первую часть «Пугачёва», пейзажные метафоры поэта-хулигана, передающие гнев народный, как и поэмы царского вельможи, воителя, ставшего мудрецом. Другой

парадокс: вояка, узревший близ себя смерть и горести ближнего, пришёл путем раздумий к сочувствию малым сим пред лицом сильных мира сего с такой силой, что и сегодня, 250 лет спустя, способен пробудить чувства добрые к отверженным нашего постмодернитского общества. Сквозь временную протяжённость мне внезапно открылась у Державина высота философской мысли, мудрость воина, добытая ценой крови. И для меня не стало новостью, когда я узнал, что Державин был человеком крайне чувственным, а творчество — «плотноплотским». У переводчика с автором существует сокральная связь, особая вибрация — он чувствует биение его пульса, его внутреннюю эмоцию. Но восстановить двухвековую связь времен через перевод — чудо. Я рад, что мне это удалось.

— *Что вам особенно запомнилось из того, что вы переводили?*

— Я прочитал повести «Никто» Альберта Лиханова и «Девятый» Павла Кренёва и сразу оценил высокий профессионализм больших писателей: чёткость и ясность картины, простоту, стремительность развития сюжета. Лиханов с первого абзаца ставит важную для него тему брошенных родителями детей, открывает нам главные черты характера героя, рассказывая, как в государственном учреждении обрёл имя-кличку его «безымянный» герой, ставший рэкетиром против своей воли — вот в чём парадокс происходящего. Че-

рез внешнюю простоту раскрывается подлинная сложность жизни. «Человеческая» интрига диктует стиль повествования. Уже в первом абзаце — вся история несчастного детдомовца. В десяти своих романах (последний издали во Франции в сентябре 2019) я выбрал похожую творческую стратегию. Его повествование движется одновременно быстро и медленно. Его владение языком и пословицами поражает. Я перевёл 350 страниц — впечатляет. Он тоже своего рода мастер, может нанести удар и прямо, и сбоку. Как писатель и бывший (в юности!) боксёр-любитель — я это ценю.

Павел Кренёв в повести «Девятый» с первого абзаца увлекает читателя драматической судьбой снайпера во время борьбы за Приднестровье, развернувшейся между Румынией, Молдавией и Россией в 1992 году. И не отпускает напряжённого внимания читателя (вот секрет писательского мастерства!) до самого конца повести. Описывая детали снайперского искусства, писатель умудряется взволновать нас «человеческим фактором», и вдруг сухое описание боя превращается в выразительный рассказ. Для того, чтобы поймать и уничтожить такого умелого врага, как опытный снайпер, надо угадать его тайны по крошечным деталям, представляя себя на его месте. Такая наука оборачивается трагедией, когда оказывается: снайпер охотится на близкого человека, не подозревая этого — вот в чём драма любой граж-

данской войны. Писатель открывает нам глубину страданий героя на фоне имеющей документальные истоки истории. Я прежде люблю его ясность, точность, скромность. В его произведении я увидел высший писательский пилотаж: в том смысле, что самый лучший стиль ты не ощущаешь, он не бросается в глаза, подчиняя себя истории. Вот мастер. К сожалению, это качество среди литераторов почти не встречается сегодня. То ли дело хвастаться на фоне нашей довольно грустной эпохи — вот это постоянно на повестке дня. У Кренёва ослепительный дар рассказчика, столь необходимый прозаику. Как чётко ему удаётся выстраивать свои сюжеты!

Переводчик — это хранитель самой разнообразной информации, а журналист и прозаик в поиске истины опираются на реальность, не вынося приговор персонажам. И я, выступающий во всех трёх этих профессиях, понимаю, насколько реальность порой может быть парадоксальной. В повестях Альберта Лиханова и Павла Кренёва я увидел достойное продолжение великой русской школы реалистической прозы. Их стилистические приёмы напомнили мне книгу Виктора Некрасова «В окопах Сталинграда». Будучи врагом постмодернистского бреда, его дебильного нарциссизма и сторонником подлинной оригинальности в традициях русской классики, я переводил именно эти повести. Вот урок нарциссам!

Беседу вела Лола Звонарёва